

ЮРИЙ ЖУКОВ

ТРИ
ДНЯ

В

СТОЛИЦЕ
АБСУРДА



Юрий Жуков

**Три дня в столице абсурда.
Письмо из коллективного
бессознательного, или Поэма
о внутренних диалогах**

«Издательские решения»

Жуков Ю.

Три дня в столице абсурда. Письмо из коллективного
бессознательного, или Поэма о внутренних диалогах /
Ю. Жуков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747877-3

Мудрые люди, медитативно наблюдавшие жизнь (скажем, К. Юнг), указывают на проявления параллельной реальности в самом привычном для нас мире. Они же советуют вести себя с этим осторожно. Но случается, что кто-то наступает ногой куда не следовало и оказывается лицом к лицу с тем, что в виде «странностей» периодически перетекает к нам. Призывы к здравомыслию ему уже не помогут, так как законы там иные. Такой случай достоин описания, но из него выйдет не детское фэнтези, а скорее мужской сюрреализм.

ISBN 978-5-44-747877-3

© Жуков Ю.
© Издательские решения

Три дня в столице абсурда Письмо из коллективного бессознательного, или Поэма о внутренних диалогах Юрий Юрьевич Жуков

© Юрий Юрьевич Жуков, 2016

ISBN 978-5-4474-7877-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здесь представлена запись истории, происшедшей с человеком, путешествовавшим на вертолете и попавшим в аварию. В вертолете произошла какая-то поломка и он почти полностью вышел из управления. Пилоты из всех сил пытались создать плавное снижение. Однако, на небольшой высоте от земли, вертолет рухнул и, как и полагается в таких случаях, разбился. Некоторым членам экипажа и пассажирам удалось уцелеть. И кто-то из них даже оставил несколько заметок о том месте, в которое его скинула злая и насмешливая судьба. Как у потерпевшего получилось создать свои заметки, в какой последовательности он это делал – остается только гадать. Трудно гарантировать также адекватность этих описаний (все-таки стукнулись неслабо). Поэтому попрошу не судить о записанном слишком строго, а просто занять наблюдательную позицию (так может быть и удастся разобраться что там было на самом деле).

.....
16 октября. Вертолет упал в окрестностях большого города. Некоторые погибли. Многим требовалась помощь. Мы кричали. Ни одна машина не останавливалась, проходившие люди старались не обращать внимания.

17 октября. Во второй половине дня к нам подъехал большой автобус, несколько машин с репортерами и какая-то спецтехника с полицией. Несмотря на наши стоны перед нами был развернут концерт, а после – проверены все наши уцелевшие документы. Затем покойников и сильно больных увезли на одной машине в одну сторону, а целых и живых – на автобусе в другую. Разговорный язык представлял из себя междометия и жесты, сперва нам было очень трудно разобраться в ситуации, но скоро я стал ориентироваться и все понимать (все диалоги в этих записках составлены с учетом моего перевода). Нас повезли в город. Там накормили и положили спать, объяснив что завтра будет тяжелый день.

18 октября. Начало было действительно нелегким. Завтрак отменили. Правда потом все пошло как по маслу. Мне дали гида – девушку, и мы поехали на экскурсию по городу.

Оказалось, что в городе три дня не было электричества, сегодня дали свет, но отключили воду. Я стал наблюдать: население ехало на работу. Не умытое, не побритое, не позавтракавшее. Ехать на работу – совершенно здоровый инстинкт, но мне стало казаться, что население едет не «само по себе», а так, будто его «что-то ведет». Может быть оно могло делать что-то еще, но оно, возможно, не знало что и потому продолжало ехать на работу. Выглядело это тоже слегка по особому. В действиях людей проявлялась замеченная мной хаотичность. Видимо в этом сказывались автохтонные, коренные черты населения.

«Закрепленная» за мной девушка сказала, что сперва стоит прокатиться в метро. У меня же довольно сильно болела ушибленная при падении в вертолете нога, о чем я поспешил сообщить ей. Но девушка решительно приободрила меня и сменила настрой метко найденными словами.

– А вы хотели упасть и ничего себе не сломать? Сейчас вам станет так интересно, что вы забудете про свою ногу.

Фраза имела магический эффект. Я подумал: «И впрямь – мужчина я или нет?»

Сперва ничего особенного в метро не попалось. Вестибюль как вестибюль. Правда очень грязный. Турникеты тоже обычные. Только преграждающие элементы у них были похожи не на дверцы или планки, а на какие-то топоры. Промышленным дизайном я никогда не увлекался и смотреть бы на все это не стал, но девушка-поводырь затормозилась с сосредоточенным лицом. И не говорила ни слова. Я попытался узнать как здесь оплачивается проезд, но она не отвечала. Мне показалось, что она наблюдает за контролерами, сидящими в служебной кабинке. Наконец она заметила, что я на нее смотрю и улыбнулась в пол-рта.

– Что-что? – сказала она небрежно, хотя в этот момент я у нее ничего и не спрашивал.

Тут вдруг возле одного из турникетов раздался крик и брань. Я опять лишился собеседницы. И, вместо этого, увидел довольно отвратительное зрелище. Оказалось, что в одном из проходов преграждающие «топоры» зажали мужчине ногу. Причем было видно, что держат они ее крепко, а по штанам у «пойманного» довольно сильно течет кровь. Я не успел открыть рот от удивления, потому что надо было удивляться уже другому феномену. В вестибюле как будто проскочила какая-то искра. Люди начали двигаться намного быстрее, производить какие-то метательные движения возле кабины контролеров, «нарезать» круги и подпрыгивать (как будто пытаясь перепрыгнуть через турникеты). При этом никто не интересовался страждущим и истекающим кровью потерпевшим. Наконец одному мужчине удалось запрыгнуть на турникет. Он повернулся, наклонился и стал подавать руку своей даме, чтобы она смогла достичь того же, что и он. Некоторые стали подпихивать ее снизу. Контролеры выскочили из своей кабины и начали препятствовать нарушению закона. К крику и вою добавилась еще перебранка... Но тут в ближайшие проходы устремился такой огромный поток людей, что «топоры» оказались тут же завалены сумками и другими вещами. По всем этим «баррикадам» народ устремился к эскалаторам. Тут я заметил, что моя девушка улыбается, да еще во весь рот. Вот бред! Чему тут улыбаться?!

– Пойдемте быстрее пока нет полиции! – сказала она неожиданно серьезно и пошла к турникетам.

Я за ней. На эскалаторе тоже была толчея, но, слава Богу, без крови. Я не знал даже что спросить, так как увиденное оставило какой-то мерзкий осадок, а говорить сразу о плохом в чужом городе казалось мне не этичным.

– А что будет с тем мужчиной, которому зажало ногу? – наконец решился спросить я.

Девушка посмотрела на меня. Потом пожала плечами, как-то безразлично.

– Если отключат сегодня опять электричество, тогда турникеты «вырубятся»...

Эскалатор кончился.

Оказавшись на платформе станции я увидел некоторые предметы на путях. Это были шляпы, шарфы, перчатки, зонты. Часть людей, стоявших на платформе, неспешно добавляли к этому свои носовые платки, хозяйственные пакеты и прочее. Причем делали это как-то очень обыденно, как само собой понятное, так же как мы, допустим, покупаем себе билет или жетон для проезда.

Мне стало интересно с чем связаны такие действия и я обратился за разъяснением к своему гиду.

– Здесь когда-то на пути упал мужчина и его раздавило поездом, – ответила мне девушка очень спокойным и ровным голосом.

Я наполнился сочувствием и добавил еще вопрос:

– И его вещи оказались раскиданы по путям?

– Да, так было. И они кидают эти вещи, потому что такая традиция. Дань памяти.

– Дань памяти этому мужчине? – спросил я растроганно.

– Нет. Этому событию. Понимаете – это событие, это как бы визитная карточка нашего метро.

Ответ поразил меня, но я не стал открывать своего удивления. Наконец из тоннеля показался поезд. Издали обычный – поезд как поезд. Когда вагоны поравнялись со мной, то в глаза тут же бросились странные рисунки на дверях, стенах и окнах. Скажу больше: это были вообще не рисунки. Поезд затормозился. «Рисунки» оказались чем-то вроде покрашенных в красный и черный цвета и приклеенных полиэтиленовых пакетов, веревок, волос, кусков ткани. На одной из дверей я опознал висящий на ниточке «человеческий глаз»...

Девушка вовремя отбросила меня в сторону, потому что толпа из вагона стала выходить довольно быстро и мощно, и повалила тех, кто стоял на платформе. А так как задние ряды продолжали выходить, то идущие впереди не имели иных шансов, как пойти по поваленным ими ожидателям. При этом возникла перебранка, которая легко переросла в потасовку с применением тяжелых сумок с острыми краями.

Когда мы оказались в вагоне, я продолжил (без удовольствия) разглядывать диковинные «барельефы» на стеклах.

– Это тоже какая-то традиция? – наконец спросил я у девушки.

– Вы способный, – ответила она. – Ловите просто на лету. Лет десять назад был случай, когда в дверях зажало женщину. Мужчины изнутри стали помогать ей и втаскивать в вагон. А другие, на платформе, потащили обратно. Естественная конкуренция. Поезд тронулся. А в это время по платформе еще ехал сотрудник на уборочной машине. Скорость у него была огромная, затормозить не успел и с ходу врезался во всю эту толпу. Вот их внутренности и волосы и размазались по вагону.

Я был ошарашен и даже не знал, что еще спросить. Наконец сообразил.

– А почему же сотрудник на уборочной машине не затормозил?

– А почему он должен был тормозить? – ответила девушка. – Он подавал предупредительный сигнал. Внимательней надо быть на дороге.

Все это вызвало у меня неприятные ощущения и стали даже возникать позывы к рвоте. Заметив это, девушка (дай ей Бог здоровья) сжалась надо мной и предложила дальше добираться на автобусе. С ее слов это должно было быть очень интересно. Я не нахожу ничего интересного в езде на автобусе. Девушку звали Макрица. Она говорила то много, так что я почти ничего не мог понять, то умолкала, впадая в некую задумчивость и не реагируя на мои вопросы. Из слов Макрицы я не смог сообразить куда мы должны добираться, но выбора у меня все равно не было, поэтому я последовал за ней.

Мы встали на эскалатор. Примерно на середине пути эскалатор вдруг затормозился, под ним что-то очень сильно заскрежетало, затем раздался грохот и запахло дымом. Часть пассажиров, крича и бранясь, в панике кинулась вверх по ступеням, другая часть – с такими же настроениями вниз. Макрица запрыгала вперед и мне, прихрамывая, пришлось делать то же самое, чтобы не отстать.

– У нас этот год... – старалась объяснять она мне на ходу, – объявлен годом терроризма... поэтому произойти может всякое...

Я совершенно не понял, как такое может быть и опять попросил Макрицу разъяснить мне. Но она посмотрела на меня немного сверху вниз и сказала:

– Какой-то Вы странный. Ничего не понимаете.

Из метро мы вышли на улицу, которая была похожа на центральную. Только вот мусора тут было очень много: банки, бутылки и пакеты; и под ногами у людей, и на проезжей части. Так что машины повсеместно поддавали по нему бамперами и колесами. Я опять вынужден был просить Макрицу удовлетворить мое любопытство.

– Должность дворника очень непрестижная, поэтому их у нас нет... Что Вы меня все время спрашиваете о какой-то ерунде? Это не имеет никакого значения.

Я не стал спорить. В это время подошел наш автобус. Мы сели.

Как только тронулись водитель автобуса объявил в микрофон, что до места все доберемся очень быстро, так как поедем по скоростной трассе. Но не прошло и полминуты, как один мужчина вдруг закапризничал и заявил, что он не хочет ехать по скоростной трассе, а хочет по сверхскоростной. Водитель притормозил автобус.

– Он прав! – вступилась за капризника очень полная дама в светлом пальто, розовой шали и шляпе. – Это не этично с Вашей стороны. Какого хрена мы должны ехать по скоростной?...

Водитель взмахнул руками и открыл двери автобуса, а некоторые пассажиры начали пихаться и говорить ему всякое разное суровым тоном. В возникшей толчее стала складываться обстановка, близкая к драке, а когда я посмотрел в упор на мужчину, очень опасно размахивающего зонтом перед лицами, то он тут же прицелился, в надежде ударить меня со всей силы по голове. Я пригнулся и вовремя зажмурился; нападавший скользнул надо мной и всем махом попал в стекло. Брызнули осколки и кровь. Макрица в этот момент опять была в состоянии задумчивости и я с трудом привлек ее внимание. Зато полная женщина, заливаясь красным цветом, неожиданно направила ко мне свои обвинения.

– Вы не должны были этого делать!... – сказала она мне таким тоном, что я не стал ждать предложений Макрицы и выскочил из автобуса.

Но она как-то опять оказалась впереди меня.

– Ничего, так доберемся, – сказала девушка.

Я пожаловался на усилившуюся боль в ноге. Еще я ощутил, что хочу в туалет, но тут уж побоялся открывать свою ничтожность в присутствии дамы и решил пока выждать.

– Придется потерпеть, – ответила проводница. – Осталось уже совсем немного.

– А все-таки, куда мы спешим? – попытался выяснить я.

– Вы должны увидеть наш «город солнца», – кинула Макрица на ходу, – иначе весь проект летит к черту!

– Какой проект? – опять спросил я.

– Знакомства со столицей нашего «сверхграндиозного суперареала».

Я не разобрался с ходу в этих терминах и немного округлил глаза. Макрица заметила мое удивление.

– Вы что географию не учили? Во всей ойкумене есть только один настоящий ареал – наш «суперареал»! Круг прилегающих провинциальных ареалов можно даже не считать. Здесь, в «суперареале», происходят все самые важные в мире дела. И его столица – «город солнца». Все, кто живет в нашем «городе солнца», счастливы и богаты. Вы знаете сколько у нас там денег?...

Деньги вещь нужная, но сейчас мне было не до них, тем более не до их «ареальных» денег. Но из приличия пришлось сделать заинтересованное лицо.

– Мы их печатаем сколько захотим! – закончила Макрица.

Я опять не все понял, но последние слова мне понравились.

– Вот как!? – заключил я радостно, надеясь вскоре оказаться в более комфортной обстановке. – Так мы сейчас спешим туда?... В «город солнца»?

– Нет. Сперва нам надо в банк, чтобы оформить на Вас кредит. В «город солнца» можно попасть только за деньги... за большие деньги.

Тут уж я решил воспротивиться этому издевательствам и встал как вкопанный.

– Никакой кредит я оформлять не буду и никуда больше с Вами не пойду! – заявил я.

– Да вы просто пропадете! – вдруг эмоционально ответила Макрица. – Я единственная, кто протягивает вам руку помощи. А вы не хотите ее брать и сейчас просто окажетесь на краю гибели.

Я уже хотел попытаться сбежать от провожатой, но, повернув голову, увидел сзади толстую женщину с красным лицом, несущуюся ко мне на всех парах. В руках у нее был окро-

вавленный зонтик. За собой она влекла целую толпу людей, похожих на футбольных фанатов, команда которых сильно проиграла.

– Бежим! – крикнула Макрица.

Я забыл про боль в ноге. Мы быстро преодолели две огромных лужи и кучу мусора, вываленного на тротуар из какого-то мешка. Правда пролетая над мусором я все-таки задел ногой канистру из-под машинного масла и едва не упал, а масло брызнуло мне на одежду и в лицо.

– Я больше не могу! – крикнул я Макрице. – Пусть меня убьют!

– Быстрее сюда! – скомандовала она.

Я вырвал себя из секундной слабости и мы свернули во двор дома. Тут стояли два бака с мусором. Макрица ухватила руками за один и стала наклонять его к земле.

– Делайте как я! – опять приказала она.

Я со всех сил налег на мусорный бак и порядком измазался. Зато мы повалили эти ящики. Из них посыпалось такое количество всякого хлама, что образовалась целая баррикада, в которую и врезалась предводимая толстой женщиной воинственная толпа. Издавая страшный вой, ватага безумцев принялась лупить и пинать мусор руками и ногами, при этом поддавая также друг по другу и по самим себе.

– Минут десять у нас есть, – сказала Макрица. – Но может и меньше...

Быстрым шагом мы прошли через двор и оказались уже на другой, тоже широкой улице. Прямо перед нами возвышался дом с надписью «банк». Как я не хотел брать кредит!... Но почувствовал, что потерял всякую надежду на самостоятельные действия и опять покорно последовал за проводницей. Мы остановились у входа. Все стекла: и на окнах, и на дверях банка были затемнены.

– В банке главное – правильно себя вести, чтобы не быть ограбленным, – стала учить меня Макрица.

Я согласно кивнул, думая, что это иносказательное выражение. Девушка продолжала:

– Когда получите деньги – лучше их сразу отдать мне. Я умею себя вести в такой обстановке. Вас разведут в полоборота. Я выскользну с деньгами и на улице потом вас найду.

Мне этот сценарий совсем не понравился. Я собрался опять возразить. Однако, в это время на другой стороне улицы, из двора стали доноситься крики и вопли. Макрица нажала на кнопку входной двери банка. Скрываясь внутри помещения я краем глаза уловил группу моих преследователей, выбегавших из помойного двора и испытал небольшое облегчение.

Дверь за нами закрылась. Макрица сделала пару шагов вправо, а я оказался лицом к лицу со здоровенным охранником в сером костюме. Он просто-таки загородил мне путь. А после внимательно оглядел меня взглядом, как мне показалось, довольно опытного убийцы. Я сделал неуверенный шаг и заметил еще двух таких верзил справа и слева, но чуть поодаль. Затем «охранник» задал мне короткий и конкретный вопрос:

– Што?!

Я не мог говорить из-за сухости в горле и за меня ответила Макрица.

– Он хочет взять кредит.

Верзила аккуратно повернул зрачки глаз в сторону говорившей.

– Ты что с ним? Отлично, – медленно произнес он, но я так и не понял к кому (ко мне или к Макрице) относилось слово «отлично». А Макрица запоздало ответила «да».

Теперь уже я приоткрыл рот для начала диалога, но «охранник» выставил ладонь к моему носу, а сам что-то кому-то сказал по рации. Открылась боковая дверь, из нее вышел еще более огромный верзила, но в черном костюме. Ни слова не говоря, он быстрым движением снял одной рукой у меня с плеча мою сумку и переложил в свою другую руку. Я испытал некоторый стресс и потянулся руками к своей сумке. Но верзила, с воинственным настроением, стали плотно обступать меня.

– Не сопротивляйтесь! – крикнула мне Макрица. – Такая традиция. Это бесполезно... Это презент, – добавила она похоже уже для «охранников».

К традициям я отношусь уважительно, но эта была явно негостеприимной. Я стал объяснять, что у меня в сумке документы и что хочу их забрать. Никто меня даже не слушал.

– Хочешь кредит? Отлично! Сколько? – сказал низким тоном «черный» верзила.

– Восемьдесят тысяч ему хватит, – опять парламентировала Макрица.

– Бери сто! – продолжал «черный». – На пять лет. Сто пятьдесят процентов годовых. Оформляй!

«Почему такой большой процент?» – взволновался я внутренне. Спросить было не у кого. В банке было тепло, но неуютно и нервно. Я чувствовал себя как кошка, окруженная собаками. Видимо поэтому тут опять вспомнил, что уже давно хочется в туалет. Несмотря на напряженность обстановки, мужчин я стеснялся меньше и обратился к «черному» верзиле с вопросом о санитарных удобствах. В ответ он начал внимательно разглядывать меня. Лицо его приняло выражение пограничника, проверяющего документы. Я подумал, что, наверное, слишком тихо задал вопрос.

– Зачем тебе? – коротко спросил «черный».

Я оказался в тупике и, издав несколько невнятных звуков, показал рукой на штаны. Может быть все это вообще было у них не принято и я довольно здорово опозорился.

– Иди за мной, – скомандовал «черный».

Идти следовало через «тайную» дверь. Там был узкий коридор, в конце которого оказалась санитарная комната. Она не отвечала уровню банка и я решил, что они еще недавно открылись. Верзила зашел со мной и встал, глядя на меня в упор. Мне абсолютно расхотелось делать то, что я собирался, но возвращаться ни с чем было еще позорнее. К тому же это могло вызвать ненужные подозрения. Я сказал себе внутренне, что традиции надо уважать, закрыл глаза и... Верзила внимательно наблюдал за мной на всех этапах нашего вояжа. Затем вытолкнул меня из коридора в зал и закрыл дверь.

Потом подтолкнул меня к стойке. С обратной стороны сидела очень симпатичная девушка. Девушка посмотрела на меня взглядом, каким-то, как мне показалось «животным», может быть даже зверским. Наверное это тоже была традиция. Потом положила передо мной на стойку пачку бумаг. Пачка, при этом, сильно «хлопнула», я опять напрягся всем телом, но зато не потерял бодрости.

– Сейчас Вас сфотографирую! На каждом листе в правом углу подпись! – произнесла девушка очень отчетливо.

Другой рукой она достала откуда-то стопку банкнот и тоже положила передо мной. Пыхнула фотокамера. Я строчил подписи. Мне хотелось скорее убраться из банка.левой рукой я почувствовал локоть. Это Макрица подобралась ко мне. Я заканчивал подписывать договор. Макрица ловко взяла банкноты и стала делать вид, что пересчитывает их.

– Встретимся на улице, – шепнула она и исчезла.

Через секунду я был сбит одним из верзил, метнувшимся в погоню за Макрицей. Дверь банка затряслась и застряла в открытом состоянии. Вставая и потирая ушибы, я увидел, что на улице творится что-то невообразимое – «серый» верзила, выскочив наружу, влетел в толпу моих недавних преследователей, предводительствуемых «красной» женщиной, и теперь месил их что было сил. Они тоже отвечали и драка принимала затяжной оборот. На подмогу первому из банка помчались двое других «серых», а «черный» почему-то повернулся и спокойно удалился обратно в ту дверь, из которой выходил в первый раз. Я стал понемногу соображать, что интерес ко мне сильно упал и, не теряя времени, высунулся из двери, затем просочился через нее и прополз полувприсядку вдоль стены до ближайшей подворотни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.